

В 1963 году ссора с Мао Цзэдуном выплеснулась на страницы газет, отношения с Китаем пошли вразнос. Я уже писал, что дружба с Мао разладилась из-за Сталина.

Публичное разоблачение преступлений тирана, низвержение его с пьедестала и, наконец, вынос тела из Мавзолея Мао Цзэдуна справедливо посчитал опасным для собственной власти. Свою власть он решил удержать отмежеванием от политики Советского Союза.

Хрущева в Пекине обвиняли в ревизионизме, в пресмыкательстве перед Соединенными Штатами, а Мао Цзэдуна, в противовес ему, провозгласили единственным настоящим мировым революционным лидером. Естественно, Москве это не нравилось, но идти на открытую конфронтацию с Мао отец не хотел, считал, что разум возьмет верх, они уладят разногласия миром. Однако разногласия не улаживались, трения становились все жестче, но до поры до времени обе стороны воздерживались от публичной полемики. Я не собираюсь писать о перипетиях советско-китайских отношений, они бы увели нас далеко в сторону, не моя это тема. Однако и полностью проигнорировать их невозможно.

В 1958 году, отец попытался откровенно объясниться с Мао, специально для этого в разгар удушающего китайского лета полетел в Пекин. Откровенного разговора не получилось. Мао вел себя барственно-покровительственно, поучал собеседника не бояться американского «бумажного тигра», смело идти на конфронтацию, даже ядерную, ведь победа, в конечном счете, все равно достанется нам. Кому нам, Мао не уточнял. Одновременно Мао не мог удержаться от школярства, то назначал переговоры у бассейна, где демонстрировал плохо державшемуся на воде отцу свои плавательные способности, то вдруг приказал в отведенной отцу спальне убрать с окон сетку, пусть того ночью закусает комары. Отец на уговоры не поддавался, на комариные укусы не реагировал, войну с США объявил непростибельным для государственного деятеля легкомыслием. Разъехались они ни с чем.

Тогда же, в 1958 году, Мао Цзэдуна объявил о «Большом скачке», в результате которого в одну пятилетку КНР догонит Англию, обойдет Советский Союз, «утрет нос» Хрущеву. По всему Китаю развернулась изнурительная кампания строительства «домашних» доменных печей. В них расплавляли сковородки, утюги, ножи с вилками и другую домашнюю металлическую утварь, получая на выходе ни на что не пригодные комки металла. Одновременно на селе началась организация «народных коммун». Отец относился к начинаниям Мао скептически, но последний неожиданно обрел в Советском Союзе не только критиков в лице отца и иже с ним. Нашлись у нас, в том числе и в ЦК, «революционеры», сочувствовавшие «реформации» по-китайски. Даже когда в 1960 году начинания Мао закончились оглушительным фиаско, а «Большой скачок» отозвался голодом, унесшим жизни более чем 20 миллионов китайцев, кое-кто в советском руководстве продолжал считать, что если бы мы не дистанцировались, отнеслись к Мао по-братски, то все пошло бы иначе. Ответственность за разлад в дружбе с Китаем они не вслух, про себя, возлагали на Хрущева. В самых высших эшелонах власти такие взгляды разделяли Шелепин и, как ни странно для меня, Косыгин.

В начале лета 1963 года стороны договорились встретиться и прояснить отношения, сам Мао ехать в Москву не захотел, пообещал прислать представительную делегацию.

⁸⁴ Известный в то время лозунг Мао Цзэдуна: «Ветер с Востока побеждает ветер с Запада».

Пообещал и тут же опубликовал в Пекине письмо советскому руководству с обвинением его в капитуляции перед империализмом, чрезмерной увлеченности борьбой за мир в ущерб революции и еще многих других «смертных» грехах.

Прикрытая до того «фиговым листом» полемика стала публичной, переговоры потеряли смысл, но отец проявил выдержку, промолчал, ограничился сообщением членам Пленума ЦК, открывшегося в Москве 18 июня 1963 года. Более того, не желая обострений отношений с Пекином, он сам на Пленуме о Китае не выступал, перепоручил это дело Суслову.

Но сдержанность не устраивала жаждавшего скандала Мао, китайские дипломаты получили распоряжение разбрасывать листовки с текстом письма по улицам Москвы. Китайские проводники поезда Пекин – Москва не только в обязательном порядке раздавали такие листовки пассажирам, но и пускали их по ветру из окон мчащегося по сибирским перегонам состава. В ответ советское руководство выслало из Москвы целую группу наиболее активных китайских дипломатов-пропагандистов.

В свою очередь китайцы 1 июля опубликовали протест, но не против высылки дипломатов, они требовали публикации их письма в Москве.

Что и говорить, обстановка для переговоров складывалась малообещающая, но подготовка к ним продолжалась, наметили дату встречи. 5 июля 1963 года из Пекина в Москву прибывала делегация во главе с Генеральным секретарем компартии Китая Дэн Сяопином. Формально по своему рангу он соответствовал положению Хрущева.

Но отец уже не ожидал от встречи ничего хорошего, перепоручил переговоры Суслову и вообще решил игнорировать китайцев. Чтобы не встречать Дэн Сяопина на вокзале, как это тогда полагалось по протоколу, он 4 июля уехал в Киев. Там он принял министра иностранных дел Бельгии Поля Анри Спаака, а уже 10 июля на московском вокзале пожимал руки членам венгерской делегации во главе с Яношем Кадаром.

На переговорах с Сусловым Дэн Сяопин вел себя неприступно-вызывающе. Не знаю, что он, будущий великий китайский реформатор, в те дни думал о Мао, но линию его проводил неукоснительно. Надежда на взаимное понимание окончательно угасла, и Хрущев решил больше не тянуть с ответом.

14 июля 1963 года московские газеты опубликовали «Открытое письмо ЦК КПСС к ЦК КПК и обращение к трудящимся СССР» с «открытой» же критикой политики еще вчера братской КНР, «Большого скачка», сельскохозяйственных коммун и других новаций Мао. Далее следовал полный текст китайского письма от 14 июня.

После обмена «любезностями» в печати «секретность» утратила всякий смысл, но стороны решили соблюсти приличия, переговоры завершились 20 июля официальным приемом в честь китайской делегации, на который пришел и отец. В тот же день Суслов провожал Дэн Сяопина и его товарищей на Казанском вокзале.

24 июля отец проинформировал о произошедшем собравшихся в Кремле руководителей стран – членов СЭВ.

Оптимист по натуре, отец считал, что раньше или позже отношения с китайцами наладятся. Наши страны «обречены» на добрососедство, но произойдет это уже «после» Мао Цзэдуна, а возможно, и после него самого. С ним соглашались далеко не все, а Косыгин и Шелепин вообще не сомневались, что без Хрущева все с Китаем само собой утрясется.

В октябре 1964 года Хрущева убрали. Косыгин возглавил советское правительство, но отношения с Мао лучше не стали. Когда, уже в новом качестве, в феврале 1965 года Алексей Николаевич поехал с визитом во Вьетнам, он попытался договориться о краткой остановке в Пекине для дозаправки и о как бы случайной встрече с Мао. Есть такая практика в дипломатии. Пекин на его просьбу не отреагировал. Наконец китайцы уведомили, что они согласны на дозаправку его самолета, но Мао Цзэдун с Косыгиным не встретился, вместо него в пекинский аэропорт приехал Чжоу Эньлай.

Косыгин «проглотил» это унижение, но оно оказалось не последним. В процессе разговора, в котором, как показалось Алексею Николаевичу, наметились некоторые положительные сдвиги, Чжоу намекнул ему на встречу с Мао во время остановки по пути домой из Ханоя. Косыгин обрадовался, но, как выяснилось, слишком рано. Китайцы вдруг замолчали, и из Ханоя в Москву ему пришлось лететь с остановкой не в Пекине, а в Ташкенте. И только там, уже на советской территории «вдруг» пришло согласие на пролет через Китай. Несмотря на повторное унижение, Косыгин полетел из Ташкента на «дозаправку» в Пекин. Там наконец состоялась долгожданная встреча с Мао Цзэдуном. Но какая встреча! Мао выговорил гостю, как проштрафившемуся школяру, и отправил домой несолоно хлебавши.⁸⁵ Отношения между двумя странами наладились только после Мао Цзэдуна.